

ГЁТЦ ХИЛЛИГ

**ПО СЛЕДАМ НЕОБЫКНОВЕННОЙ ДРУЖБЫ:
АНТОН МАКАРЕНКО – МАРГАРИТА БАРСКАЯ**

Одной из малоизвестных глав историко-биографического макаренковедения являются отношения педагога-писателя с кинорежиссером, сценаристом, актрисой, теоретиком кино, педагогом Маргаритой Александровной Барской (1903–1939).

Что касается биографии Барской, то богатый материал на эту тему представлен в Интернете племянником Маргариты Александровны инженером Дмитрием Анатольевичем Барским (Москва)¹, в чьем распоряжении был целый чемодан с ее литературным наследием. В данной статье я широко использую документы этого несистематизированного и некаталогизированного архива, свидетельствующие о дружбе и сотрудничестве двух замечательных людей – Макаренко и Барской. За эту неоценимую помощь, без которой невозможно было бы выполнить настоящую работу, я приношу Дмитрию Анатольевичу мою глубокую благодарность.

Дополнительную важную информацию об отдельных фактах биографии М. А. Барской я почерпнул в киноведческом материале Н. Милосердовой «Грудью на ветер: о Маре Барской, которая так любила жить, творить и бороться»²; другие до сих пор не известные аспекты портрета Барской, а также некоторые вопросы, связанные с деятельностью Антона Семеновича, я смог прояснить как макаренковед.

Для исследователей и пропагандистов творчества Макаренко архив Барской имеет, без преувеличения, огромное значение, хотя документы (оригиналы и машинописные копии), относящиеся к 1937–39 гг., по большей части представляют собой лишь фрагменты. Заботясь о своей посмертной репутации, Барская материалы упомянутого периода сохраняла не полностью, а лишь те страницы, которые казались ей релевантными, особенно если они касались непосредственно ее личности.

1. Жизненный путь М. А. Барской до ее знакомства с А. С. Макаренко

Маргарита *Михайловна* Барская появилась на свет в Баку, в семье шляпницы (точных данных об отце нет), имела двух младших сестер – Анну и Евгению. Как вспоминала Евгения Михайловна Барская, отчество старшая сестра поменяла, когда получала паспорт: Александровна, по ее мнению, «лучше звучало, чем Михайловна». О своих родителях младшая сестра сообщает: «Мама разошлась с отцом, когда Маре было 5 лет, Юре – 3 и мне – 1 год. [...] Мама одна воспитывала нас».

В недатированной автобиографии Маргариты Александровны, обнаруженной в вышеупомянутом чемодане (предположительно 1934 г.; машинописная копия, напечатанная под копирку), можно прочесть, почему она выбрала свою профессию: «[...] и так как ее [матери. – Г. Х.] торговля шляпами не давала достаточных средств

ХИЛЛИГ Гётц – доктор философских наук, приват-доцент истории педагогики Марбургского университета (ФРГ), руководитель лаборатории «Макаренко-реферат», вице-президент Международной макаренковской ассоциации, иностранный член НАПН Украины и РАО. Автор около 250 публикаций о Макаренко. Постоянный автор «Ковчега» с № XXVIII (3/2010). Живет в Марбурге.

© Хиллиг Г., 2013

¹ <http://alya-aleksej.narod.ru/index/0-7>.

² СК-новости. 2008. № 10 (10.11.08), стр.12–14. См. также: «Возвращение Маргариты Барской» (2010) <http://www.kinozapiski.ru/ru/article/sendvalues/1222/>; <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/sov/29161/bio/>

к существованию, она дополнительно „подкреплялась“ сдачей внаем комнат – части нашей квартиры. Как-то получалась так, что нашими жильцами были исключительно приезжающие в Баку на гастроли крупные актеры. Вероятно, эта среда людей от искусства и сыграла ту роль, что с самых ранних лет я ни о чем другом не думала, как о работе в искусстве».

а) Театр и кино

У Маргариты рано проявились актерские способности. После окончания в 1922 г. Государственной Азербайджанской (русской) драматической студии она получила приглашение в передвижной гастрольный театр «Красный факел», находившийся в то время в Баку, и вскоре заняла в нем ведущее положение. Большинство сыгранных ею ролей были детскими, что и определило ее дальнейшее желание работать в детском кино.

Год спустя Барская оставила «Красный факел» и уехала в Одессу, где поступила в труппу Госдрамы. После одного из выступлений она заключила договор с Одесской киностудией, где познакомилась с одним из родоначальников российского кинематографа П. И. Чардыниным, стала его ученицей, а затем женой. Снялась в нескольких фильмах украинских кинематографистов.

В 1929 г., после развода с Чардыниным, переехала в Москву, где организовала детскую секцию при Ассоциации революционных работников кинематографии (АРРК) и была избрана ее председателем. Затем работала на киностудии «Межрабпом-Русь» (позднее – «Союздетфильм»).

В начале 1930-х гг. по своему сценарию Маргарита Барская создает первый советский детский звуковой фильм «Рваные башмаки», вышедший на экраны страны в декабре 1933 г. Поскольку действие фильма происходит в Германии накануне прихода к власти фашистов, в качестве консультанта фильма, как знаток Германии, был приглашен известный политический деятель и журналист Карл Радек. Это знакомство вскоре стало весьма близким и сыграло в судьбе Маргариты Александровны роковую роль.

«Рваные башмаки» вошли в золотой фонд советской и мировой киноклассики. Фильм обошел экраны многих стран, получил высокую оценку М. Горького и Р. Роллана. «Нью-Йорк таймс» предсказала его создательнице большое будущее в кинематографе. Имя Маргариты Барской стало широко известным.

б) Фильм «Отец и сын»

У режиссера Барской масса творческих планов, однако реализовать их ей упорно не дают: на подходе 1937 год. И нет уже Горького, на чью поддержку она могла бы опереться. Наконец ей удается снять по своему сценарию фильм «Отец и сын». Впервые в истории «отечественного кино» в острой форме была затронута актуальнейшая проблема воспитания детей в советской семье и школе. Здесь нашел отражение стоявший тогда на повестке дня злободневный вопрос о влиянии улицы на подростков. Первый публичный показ картины планировался к 20-летию юбилею Октябрьской революции.

В основе сюжета фильма – конфликт между отцом и сыном. Отец – крупный партийный деятель, награжденный орденом Ленина. Из-за своей большой занятости он не уделяет сыну должного внимания, а матери у мальчика нет. Он тяжело переживает отсутствие отцовской любви, уходит из дома, попадает в мир беспризорников и уголовников. Такая тема могла бы стать вполне пригодной и для Макаренки. Примечательно, что созданную в то же время «Книгу для родителей» он поначалу назвал, как известный роман Тургенева, – «Отцы и дети»: это явствует из подписанного Макаренко 9 июля 1936 г. договора с редакцией альманаха «Год XIX». Весьма

возможно, что, узнав из прессы о проекте нового фильма Барской, педагог-писатель придумал другое название – «Книга для родителей».

Только что законченную картину «Отец и сын» в присутствии сценариста-кинорежиссера жестко раскритиковали на общих собраниях коллектива студии «Союздетфильм» (10–16 мая 1937 г.). В личном архиве Барской сохранились стенограммы этих мероприятий. Помимо нее самой, под уничтожающий огонь критики попали Карл Радек и кинематографист Афанасий Милькин. Как свидетельствует его внук актер Афанасий Мамедов, Милькин некоторое время состоял в гражданском браке с Маргаритой Александровной.

Приведу несколько высказываний участников этих собраний, которые в истинном свете раскрывают ситуацию, сложившуюся к моменту знакомства Барской с Макаренко.

«Я думаю, что достаточно и нескольких примеров для того, чтобы было ясно, что картина эта порочна в своей основе, порочна своей неправдоподобностью, своей клеветой на советских детей, порочна клеветой на отношение людей к своим детям, порочна клеветой на воспитание наших детей. Это – кривое зеркало от начала до конца».

«Я возвращаюсь к первой сцене. Не поклеп ли это на нашу советскую действительность? Не нашли другого места показать, что человек уснул, как партийное собрание! Если бы это было случайностью! Но это повторяется от начала до конца. И это уже не случайность, когда партийное собрание превращают в посмешище».

«Мне кажется, что в данной картине взяты советские формы и вложено несоветское содержание – целиком и полностью получился пасквиль на советскую действительность. Все содержание от начала до конца я считаю не советским. Картина вредная. И я стою на той точке зрения, что эту картину выпускать нельзя. Она не детская, она вредная для детей и не менее вредная для взрослых».

«Меня интересует вопрос, каким образом художник, живущий в Москве и зажегшийся темой о советских ребятах, о школе, мог так поставить картину, какая мысль заставила художника так поставить картину? Если бы эта картина попала к фашистам, они бы сделали блестящее орудие агитации против нас. (Голоса: правильно.)»

«Мы увидели, что это – совершенно неприкрытый, обнаженный троцкистский пасквиль на нашу советскую действительность. В этом пасквиле нет ни грамма искусства».

«И меня интересует, где корни разлада с советской действительностью? Я думаю, что это кроется в имевшейся связи с врагами народа Милькиным, Карлом Радеком, что нам всем известно. Я прихожу к выводу, что Барская не случайно увидела в картине советскую действительность глазами наших врагов».

«Я не имею права враждебно относиться к Барской, но я отношусь к ней осторожно».

Разрешите мне поставить перед Барской один вопрос: я думаю, что, когда Барская написала свой сценарий, она читала его в узком кругу. Из кого состоял этот круг, кто сказал, что это хороший или плохой сценарий, кто помог сделать этот сценарий?

Я уверен, что у вас был круг людей, которым вы могли поверить свои творческие замыслы, и здесь называют такую фамилию, как Радек».

«Я к тебе [к Барской. – Г. Х.] отрицательно категорически не отношусь. Но каждый из нас имеет товарищей и с товарищами советуется [...]. А ты показывала товарищам? Я читаю в сценарии страшные вещи. Это завуалированная нехорошая хохма. В сценарии написано: „действительный залог настоящего времени“. Быть может, за хребтом Кавказа укрылся от твоих пашей, от их всевидящего глаза, от их всеслышащих очей [ушей. – Г. Х.]. Это меня настораживает. Я тебе говорю совершенно откровенно, что мне кажется, что здесь хохма Радека» [показатель интеллекта горе-критика – цитату из Лермонтова он выдал за «хохму Радека». – Г. Х.]

«Эта картина – очень большая неудача. (Голос с места: только неудача?) Это вредная картина, которую, мы считаем, не нужно выпускать на экран».

«Хочу сказать несколько слов о картине [...].

Детская среда показана как фон, который отягчает всю картину и делает ее чужой нашему мировоззрению.

Общественно-политическая жизнь совершенно отсутствует.

Партийная среда представлена так, что это позор».

«Теперь давайте вернемся к картине, как в ней дана Москва как теперешняя столица всего нашего Союза. Я утверждаю, что нет, Москва взята и выбрана в деталях как грязная, неуютная, некрасивая, не похожая на нашу Москву. Возьмите сцену у Каменного моста – лужа, грязь [...].

Школа дана в картине мрачная [...]. Московские квартиры в новых домах грязные, ужасно неправдоподобные, которые можно, может, было найти в старое время. В квартирах все грязно, неуютно, противно».

«Когда я сегодня ехал сюда на собрание, то думал, как можно расценить эту картину. Создается такое впечатление, что человек [Барская. – Г. Х.] как будто взял себе в помощники нашего врага, и тот подсказал ему сюжет – вот, мол, возьми папу-орденоносца и у него мерзавца-сына. Так, товарищи, может выгладеть вредительство на идеологическом фронте, и это вполне невозможная вещь там, где нет политической грамотности, чуткости, там [туда. – Г.Х.] может проникнуть враг и предложить такую вещь».

«Все это подготавливает (!) зрителя к высказыванию полного неудовлетворения нашей действительностью. Это просто какой-то пасквиль на нашу советскую действительность! Я считаю, что картина, безусловно, подлежит запрету, и если ее нужно показывать, то где-нибудь в другом месте, чтобы сделать соответствующие выводы. Об этой картине, пожалуй, придется подумать больше, чем над эйзенштейновской [имеется в виду фильм С. И. Эйзенштейна «Бежин луг», который после дискуссии на студии «Мосфильм» в начале 1937 г., еще до его выхода на экран, по идеологическим соображениям был запрещен. – Г. Х.], потому что это – прямо вредная картина и за нее прямо надо привлечь к судебной ответственности и сценаристов, и многих других, в том числе и дирекцию, которая давала премии за нее. Я считаю, что тут дело связано прямо с судебными органами».

Д. А. Барский так комментирует решения, принятые на собраниях сотрудников студии «Союздетфильм»: когда требовали принять очередную резолюцию «смерть врагам народа», Маргарита поднимает руку «против», прекрасно сознавая, что подписывает себе приговор. Конечно, за этим последовал вызов на Лубянку, где она держалась исключительно достойно, категорически отказываясь кого-либо оговорить или что-либо подписать. Казалось бы, судьба Барской решена, но произошло чудо: ее отпустили. Однако ее творческая жизнь подошла к концу.

Как пишет историк Никита Петров в опубликованной им биографии Абакумова, Радек не был расстрелян или замучен непосильным трудом в каменоломнях или на стройках ГУЛАГа, как это предполагали разные авторы. Его арестовали 16 сентября 1936 г. по обвинению в участии в «Параллельном антисоветском троцкистском центре», и в феврале 1937 г. на 2-м московском показательном процессе, направленном против этого вымышленного «центра», он был приговорен к 10 годам тюремного заключения. Однако по поручению Сталина новый глава НКВД СССР Берия организовал подготовку убийства Радека. Эта задача была реализована 19 мая 1939 г. в тюрьме Верхнеуральска, где приговоренный отбывал наказание: сокамерник, бывший начальник НКВД Чечено-Ингушской АССР, «сильно ударил его головой о пол камеры».

Милькина, по свидетельству Афанасия Мамедова, «забрали прямо в квартире Радека». О его дальнейшей судьбе можно узнать из «Книги памяти Республики Коми», составленной Обществом «Мемориал»: арестован 8 апреля 1937 г., осужден Особым совещанием («тройки») НКВД 28 мая 1937 г. по обвинению в контрреволюционной террористической деятельности на 5 лет Воркутлага; умер в лагере 1 сентября 1939 г.

После вышеупомянутых событий картина «Отец и сын» была закрыта и отправлена в спецхран, до нас дошли лишь ее отдельные фрагменты.

Свои чувства Маргарита отразила в дневниковой записи, которую цитирует Барский: «В нормальное время я чаще стремилась изолироваться от людей, а теперь я чувствую себя, как в стеклянной банке. Кругом все видно, совсем рядом со мной, но это прозрачная стенка». В этот момент поддержку Маргарите оказал друживший с ней Антон Семенович Макаренко – он предложил ей сотрудничество.

2. Сценарий фильма «Флаги на башнях»

Познакомились Макаренко с Барской в Ялте, где Антон Семенович находился вместе с женой Галиной Стахивной с середины мая 1938 г. В одном из писем В. И. Адуевой, опубликованном в книге В. В. Конецкого «Эхо» (СПб, 1998), об этом событии можно прочесть: «Новая страница ее [Барской. – Г. Х.] жизни: она поехала отдыхать в Крым и там познакомилась с Макаренко. Несмотря на его суровый вид на фотографиях – он был мужчина, а пройти мимо нее безразлично было невозможно. Это было серьезное чувство с обеих сторон».

Как следует из архивных дел комиссии Правления Литфонда Союза советских писателей (ССП) СССР относительно дома отдыха в Ялте, заявление «МАКАРЕНКО А.С. – чл. ССП» о «двух путевках в комнате № 4 с 15/V на 1 мес. за наличный расчет» 21 марта 1938 г. было удовлетворено. Соответствующего заявления Барской в делах нет. Где она разместилась – неизвестно.

Как видно из деловых записей дневника Макаренко, сделанных в Ялте, он «написал последние шесть листов „Флаги на башнях“» и 27 мая послал рукопись для журнального и книжного изданий в Москву. Первого июня Макаренко записал: «„Флаги на башнях“ в общем получились ничего, есть хорошие главы, и есть, кажется, колорит. Здесь для сценария читает рукопись М. А. Барская и хвалит». Кто был инициатором их сотрудничества, неизвестно.

Во всех известных на данный момент текстах А. С. Макаренко имя сценариста-режиссера впервые упоминается в цитированной выше записи. В середине 1930-х гг. – в то самое время, когда Эйзенштейн вынашивал замысел фильма «Бежин луг», – у Барской возникла идея создать киноленту о знаменитом «пионере-герое № 1 в СССР» Павлике Морозове, который, как известно, донес на своего отца-«кулака» как «саботажника коллективизации сельского хозяйства» и был за это убит родственниками. Не исключено, что замысел Барской побудил Макаренко включить в завершающую третью часть романа «Флаги на башнях», написанную в Ялте, эпизод с разоблачением группы воспитанников при дежурном бригадире Рыжикове и не-

скольких сотрудников завода «колонии им. Первого Мая», которых позже арестовывает НКВД как «врагов» за саботаж промышленности и дезорганизацию работы завода-детучреждения. Потерпев фиаско с фильмом «Отец и сын», Барская за очень короткое время выработала «новое безопасное мировоззрение» и, как ей казалось, сумела подчинить педагога-писателя своему «правильному» идейно-политическому влиянию – или же, скорее всего, Макаренко поддался ее женскому обаянию. Конечно, немалую роль тут сыграл и липкий страх, укоренившийся в стране после только что пережитого «года Большого террора».

Кроме окончания романа «Флаги на башнях», задачей Макаренко в то время было написать к 20 мая «сценарий на школьную тему» для Одесской киностудии «Украинфильм». Еще 16 февраля 1938 г. он заключил договор под данный проект и получил аванс – пять тысяч рублей. Но в письме директору Одесской киностудии А. Ромицыну 8 июня 1938 г. Макаренко предлагает сценарий по своему новому роману, сделанный, как он пишет, «московским режиссером и сценаристом М. А. Барской, с моей помощью, конечно, [...] по моему мнению, очень хороший. Это настоящая советская идиллия на юношеском материале, поданная на темах борьбы за человека, борьбы с врагом, на теме мобилизации готовности всего нашего общества. Сценарий уже готов и находится в стадии последней правки текста. По своей теме эта работа гораздо ближе стоит к темам сегодняшнего дня, а по качеству и свежести красок она гораздо лучше сделана, чем моя работа о школе».

Дальше Макаренко в этом же послании пишет:

«Теперь о „но“... „Но“ заключается в том, что я не представляю себе, чтобы „Флаги на башнях“ (могли) быть поставлены не т. Барской, а другим режиссером. Здесь вопрос не только в авторском праве т. Барской, но и в моем непреклонном желании работать вместе с нею – больше всего я боюсь „развесистой клюквы“, а у т. Барской я нашел удивительное понимание материала.

Вот теперь и решайте. Насколько мне известно, т. Барская еще не прикреплена ГУКом [Государственным управлением кинематографистов. – Г. Х.] к определенной студии. Сама она, кажется, предпочитает Ленинград. Во всяком случае, мое желание, чтобы фильм делать в Одессе, может иметь решающее значение и для т. Барской.

Прошу Вас сообщить Ваши соображения по всем этим вопросам.

В случае Вашего согласия и реальных согласований вопроса о постановщике, сценарий я Вам вышлю. В противном случае придется возратить аванс и договор ликвидировать».

Через три дня, 9 июня, Макаренко запишет в дневнике: «Румицын из Одесской студии прислал телеграмму – требует сценарий. Думал, думал и сценарий даже не начал. Ответил письмом, в котором предлагаю сценарий „Флаги на башнях“ с непреклонным режиссерством Барской. Просил ответить в Москву. / [...] / Сценарий по „Флагам на башнях“ идет хорошо, сегодня, вероятно, будет закончен».

Из дневника Макаренко: «11 июня, Ялта. / Завтра уезжаю. Сценарий закончил и перепечатал в чистовку до сцены „Соломон Давыдович у диаграммы“. Ромицын снова телеграммой требует сценарий».

Там же: «24 июня, Москва. / [...] / Сценарий еще не кончен. Мне он сейчас не нравится. Из Одессы ни звука».

Письмо Макаренко А. Ромицыну

«Москва, 1 июля 1938 г.

Уважаемый товарищ Ромицын!

Сценарий „Флаги на башнях“ я Вам выслал, о чем и сообщил телеграммой. А что к нему прибавить? Я не вполне понимаю, что происходит у Вас в кинематографии, не понимаю, почему ограничены темы, почему так узко разумеется содержание интересов нашего общества. Если рассмотреть темы с точки зрения интересов

обороны, что вполне правильно, то при помощи какой логики можно исключить темы о воспитании? Неужели воспитание нашей молодежи не имеет никакого отношения к обороне? Как видите, я много не понимаю.

Сценарий, который я Вам послал, все-таки ближе стоит к современной теме, чем тот „школьный“, который мы намечали по договору. В самом сценарии возможны какие угодно поправки и переделки, роман для этого дает большой простор.

Что касается вопросов о режиссуре, то спорить, очевидно, не приходится. У т. Барской я нашел понимание темы и чувство той воспитательной концепции, которая представлена в сценарии. Мне казалось, что это может обеспечить успех работе. Какие-то обстоятельства, находящиеся также в сферах выше моего понимания, не позволяют вместе сделать работу. Ничего не поделаешь, возможно, что у Вас есть более подходящий режиссер.

Во всяком случае, если „Флаги на башнях“ будете снимать, мне придется принять более близкое участие, чем это обыкновенно принято, так как вся композиция деталей в сценарии не выдумана, а взята из жизни.

Очень прошу Вас сообщить, как пойдут дальше дела.

Привет. *А. Макаренко*

Лаврушинский, 17/19, кв.14».

Интересная деталь: в письмах к А. Ромицыну педагог-писатель не упоминает о том, что Барская в 1920-х гг. работала на Одесской киностудии. Данный факт, возможно, объясняется тем, что Макаренко тогда еще ничего не знал о таком этапе деятельности своего нового товарища или целенаправленно хотел это скрыть.

Из дневника Макаренко 3 июля 1938 г.: «Одесса ответила в том смысле, что сценарий присылайте, а Барская не в их власти. / Сценарий закончен и сегодня отправлен. Полная уверенность в том, что ничего из этого сценария не выйдет».

Пятого августа 1938 г. резко ухудшилось состояние здоровья Макаренко – он на улице упал в обморок. С 25 августа до 25 сентября лечился в доме отдыха Литфондом в подмосковном Переделкино. «Ввиду болезни» ему были выделены Литфондом две путевки, но находилась ли рядом с ним Галина Стахиевна – неизвестно.

В дневниковой записи от 26 сентября он упоминает «главные события за этот месяц», в том числе: «Получил из Одессы письмо с отказом от сценария „Флаги на башнях“ по тематическим соображениям. Предлагают написать второй сценарий на другую тему».

Макаренковские письма к А. Ромицыну – на основании машинописных копий, напечатанные под копирку, из ЦГАЛИ СССР (теперь РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства) – включены в последнее советское издание «Педагогических сочинений» А. С. Макаренко (т. 8), однако там фамилия Барской приведена без комментариев. А дневник педагога-писателя находился в той части его наследия, которая сначала хранилась у его вдовы. Хотя часть этих «деликатных» материалов после смерти Г. С. Макаренко в 1962 г. и попала в ЦГАЛИ СССР, однако, согласно ее завещанию, в течение 30 лет они оставались закрытыми. Сейчас они вновь включены в наследие мужа (РГАЛИ, ф. 332, опись 5). Там же (опись 4) хранился и экземпляр вышеупомянутого окончательного варианта сценария «Флаги на башнях», но без титульного листа с фамилиями авторов – А. С. Макаренко и М. А. Барской. Таким образом, вдове писателя удалось ликвидировать следы сотрудничества и дружбы этих двух людей, а при этом и очистить биографию будущего «выдающегося советского педагога» от связи с «враждебным элементом».

3. Вновь в Москве – между любовью и обязательствами

С возвращением в столицу для Антона Семеновича и Маргариты Александровны начинается период наиболее интенсивного общения, для Макаренко он был отмечен еще и обязательствами перед редакциями литературных журналов и изда-

тельств. Об этом свидетельствуют и некоторые записи и письма из наследия сценариста-кинорежиссера.

Например, надпись на титульном листе книги «Педагогическая поэма», которую Макаренко подарил Барской: «Маргарита Александровна. Этот кусок моей жизни далеко не самый счастливый. Судите в таком случае, как неизмеримо может быть счастье. А. Макаренко. 29/VI 38».

Или недатированное письмо Барской к Макаренко:

«Извините, Антон Семенович, что я нарушаю этим письмом Ваше рабочее одиночество. Но мне хочется переслать Вам детские записки, которые Вас заинтересовали. Оказывается, у меня их гораздо меньше, чем я думала, но мне кажется, что и они интересны. Я посылаю Вам весь конверт. Я выступала по радио и обратилась к детям с вопросом, что они хотели бы видеть на экране. Нашелся доброволец, который собрал записочки и отправил их мне.

Мой запас благодарности к Вам все увеличивается. Сейчас прочла „Книгу для родителей“. К сожалению, мне удалось достать только 8 и 9 номера [1937 г.] „Красной нови“. Сутки я терпела, думала, что достану и 7 номер [в него включены гл. 1–4. – Г. Х.], что[бы] начать по порядку, но не вытерпела и рада. Прочла все подряд и прожила хороший, богатый чувствами и мыслями, день».

Еще один недатированный фрагмент письма Барской к Макаренко того же периода:

«Я никак не могу утерпеть, чтоб не сказать Вам, что очень нравятся мне Ваши книги, но Вы сами тоже. Вы очень красивый человек. Говорю Вам это в таком смысле, как Горький говорил Станиславскому. В глаза такие вещи можно говорить только, когда очень много между людьми переговорено и нарощено личное общение. Но я, когда читаю Ваши книги, то так именно отношусь к Вам лично, как если бы у меня был большой опыт разговоров с Вами. И я считаю, что надо Вам говорить, и Вы должны знать, какими энтузиастами делаются люди, держа Ваши книги в руках. Конечно, не все. Напротив, но я-то принадлежу как раз к тем, которые, прочтя какую-нибудь Вашу книгу, уже считают себя Вашим знакомым и другом и всегда будут интересоваться тем, что Вы делаете, да что [над чем. – Г. Х.] работаете, да как люди отнесутся к Вашей работе. И будет очень приятно видеть, как шипят Ваши враги или попросту слабые люди, которым не под силу бремя и взыскания, которые Вы на них накладываете Вашими книгами, что я сама так думаю, но сдел[ать ничего не могут].

Вот Вам сразу же пример и два вида реакции. Я, когда читала, то сильно ежилась. По правде говоря, книга – здоровый обвинительный акт мне самой. Сначала я покручивала головой и притворялась, что это как бы и не ко мне относится. У меня, мол, и детей своих нет и пр. Но, конечно же, мне не отвертеться. Я сдалась, заплакала, созналась и тут же, закусивши удила, как все южане, скорые на действия, принялась исправляться у себя дома как могу, и топорно.

Эта книга рождает в человеке желание во что бы то ни стало быть самому чище и лучше. [...]

То, что Барская в письмах и дневниках сделала свои первые упоминания об изданных большими тиражами произведениях Макаренко «Педагогическая поэма» и «Книга для родителей» только летом 1938 г., после своего возвращения из Ялты, – это, по меньшей мере, достойно упоминания. Ведь она как сценарист и кинорежиссер могла бы обратить на них внимание значительно раньше. Замечу, однако, что и Макаренко, который в своих сочинениях, выступлениях, записных книжках и письмах обычно откликался на педагогическую беллетристику коллег по перу и фильмы, созданные на основе этих произведений, со своей стороны не заметил успеш-

ную и высоко ценимую его «шефом, другом и учителем» М. Горьким картину Барской «Рваные башмаки».

И, наконец, короткое письмо Макаренко без даты, которое по содержанию и календарю можно датировать 1 августа 1938 г.:

«Маргарита Александровна.

Это ничего, что я Вас не застал, Вы не придавайте этому значения – главное в жизни, как Вам известно, не в таких случаях. Тем не менее, очень хотел на Вас посмотреть – на душе моторошно после вчерашнего.

За мной гонятся и нагоняют тучи всяких дел, скоро я начну хохотать, как это делал Соломон Давидович. Сейчас только из районной милиции – тоже навязал себе заботу. Душа моя скорбит смертельно, но дела на это плюют. Иду писать роман [„Пути поколения“. – Г. Х.]. „Молодая Гвардия“ звонит каждый день и кричит, что без моего романа они погибнут. Видите, как это важно: мой роман!

Красавица! Очень прошу, очень... улыбайтесь – у Вас это так замечательно выходит.

Целую Ваши руки. А.»

Фраза «на душе моторошно после вчерашнего», по всей вероятности, связана с первым и единственным визитом Маргариты Александровны в московскую квартиру Антона Семеновича и Галины Стахиевны (см. далее гл. 5). «Моторошно» (украинизм) – чувство страха, тревоги, когда становится не по себе. В данном случае имеется в виду: «на душе *неспокойно* после вчерашнего».

Неприятную встречу двух женщин-соперниц можно датировать воскресеньем 31 июля 1938 г. Вспомним: через пять дней резко ухудшилось состояние здоровья Макаренко – он на улице упал в обморок.

4. Из письма Барской Сталину (09.09.1938 г.)

Будучи не допущенной к работе в кино и пребывая из-за этого в отчаянии, 9 сентября 1938 г. (когда Макаренко находился в Переделкино) Маргарита Александровна обращается с длинным письмом к «дорогому тов. Сталину». Черновик данного послания опубликован в цитированном выше материале Н. Милосердовой. Ей, а также автору настоящего очерка текст «чистовика» этого письма не известен, потому что его копию, напечатанную под копирку, Маргарита Александровна прилагала к своему последующему посланию к Сталину (см. далее гл. 7). В настоящем письме о сложной ситуации М. А. Барской в 1936–38 гг. и о необыкновенной поддержке, которую она получила от Макаренко, можно прочесть следующее:

«Описывать почти двухлетнюю медленную пытку незачем. Ссылаться на прессу, признание моей творческой деятельности и роли в создании детского кино не только у нас, но и за границей, я тоже уже не в состоянии. У меня целая телега этой бумаги: и нашей, и заграничной. И я себе об эту бумагу разбиваю голову не хуже, чем об камень.

Я прошу: ПРОСМОТРЕТЬ МОЮ РАБОТУ [здесь и далее все выделения принадлежат Барской].

1. Картину „Рваные башмаки“ (первую детскую звуковую), за которую Горький, Роллан, Барбюс, Каганович и мировая пресса назвали меня мастером, о которой не только Горький сказал, что «такими картинами мы будем бить врага – фашизм». Эта картина дала основание „Правде“ и „Известиям“ развернуть кампанию за детский кинофильм.

2. Картину „Отец и сын“ (последнюю работу). Пусть даже в таком искромсанном виде, в какой ее привели враги. Пусть даже такую.

Я прошу по ним судить, заслуживаю ли я работы в том деле, в котором работаю 10 лет чистыми руками.

В кинематографии всего я работаю 15 лет. Режиссерскую работу начала постановкой первой специальной школьной ленты, тогда у нас их специально еще не делали, а клеили из старых кусков. Она в свое время тоже была признана „вехой“.

За это время, что я бьюсь за отнятое у меня право работать, я не сидела сложа руки. В ужасной атмосфере я пыталась работой же, а не только ссылками на уже прошлую работу, вернуть это право: я написала сценарий, совместно с писателем Макаренко. Мой сценарный стаж больше режиссерского. По моим сценариям поставлены три картины, я состою в Союзе писателей, но ни это, ни авторитет писателя Макаренко, хотевшего со мной работать, ничего не значат. Сценарий, на котором была и моя фамилия, отклонили. Протесты Макаренко ни к чему не привели. С ним готовы заключить любое количество договоров, как с писателем, только без меня».

Свое письмо М. А. Барская закончила так:

«Р. С. Обвинение, которое мне предъявляли тогда: я была знакома с Радеком и „может быть“, под его влиянием „сделала троцкистскую картину“.

Радека я, действительно, знала, но никакой контрреволюционной картины ни под чьим влиянием не делала».

5. Письмо М. А. Барской к Г. С. Макаренко (конец сентября / начало октября 1938 г.)

В дневнике Барской есть загадочная запись, которую по содержанию можно назвать черновиком письма Маргариты Александровны к Галине Стахиевне Макаренко. В данном тексте (машинописный оригинал с рукописной правкой и дополнением) без даты, обращения и приветствия имеется описание московской квартиры семьи Макаренко в доме ССП СССР в Лаврушинском переулке и распределение комнат на ее членов: муж, жена, «сын» (сын Галины Стахиевны от первого брака) и «дочь» (дочь брата мужа, бывшего «белогвардейца», т. е. племянница Антона Семеновича), а также информация о том, что «безработной» жене в этой квартире помогали по хозяйству две прислуги.

В данной записи упоминается и предстоящая командировка Антона Семеновича в Сибирь, что позволяет датировать время составления этого текста. «Литературная газета» 26 октября 1938 г. информировала об организации при Президиуме ССП комиссий в помощь писателям, живущим в различных областях СССР. Председателем комиссии, которая должна была шефствовать над писателями Иркутска, назначили Макаренко. Впрочем, никаких сведений о его деятельности на посту председателя иркутской комиссии до сих пор не известно.

Планировавшаяся Макаренко осенью 1938 г. поездка в Комсомольск-на-Амуре к его бывшим воспитанникам была связана с работой этой комиссии ССП. Уже 6 октября он сообщил в письме В. Г. Зайцеву: «[...] у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к вам недалеко».

Данный черновик письма, который до сих пор не был известен исследователям, приводится здесь без сокращений и содержит неожиданную, подробную характеристику жены Макаренко Галины Стахиевны. Именно М. Барская – чрезвычайно талантливая и тонкая натура – разглядела семейную и личную драму Антона Макаренко. Вот этот текст:

«С виду как будто так: что Вы удовлетворяетесь очень скромными потребностями и что готовы лишиться себя даже необходимого в пользу других. Напр[имер] – в пользу детей. Но на самом деле это не так: Вы-то себя ничего не лишили. Вам отдельная комната не так нужна, как ему. А сыну тоже нужна больше, чем Вам, и вот

Вы лишаете *его* ради сына, и как бы ему говорите, „ну ничего, зато и я с тобой вместе“. Но дело в том, что эта постоянная совместность может устраивать Вас, а не его.

Вы, вероятно, даже не представляете себе, что Ваш муж не имеет никакой возможности когда-нибудь побыть *одному* в комнате. Вы можете побыть потому, что Вы целый день дома, дети не бьются часами, и у них есть отдельные комнаты – у дочери столовая, у сына отдельная, а вот он, Ваш муж, человек, который целый день утомительно и непрерывно на людях, он, который так много и больше всех вас работает – он не имеет *первой* потребности всякого человека: побыть несколько минут одному в замкнутом пространстве, просто посидеть наедине с собой, никем не наблюдаемым, даже просто помолчать, я уж не говорю – работать. И Вы даже не понимаете, что ему это нужно. Вы думаете, что всегда Ваше общество ему не в тягость.

Вы его любите, Вы целый день без него, Вы рады, когда он приходит, и хотите быть с ним все оставшееся до сна время, так как у Вас свежие силы человека с незагруженным днем. Это ли не эгоизм, это ли не бестактность и нечуткость! Наиболее страшная потому, что Вы человек „близкий“ и любящий. Если бы кто-нибудь из посторонних людей посмел бы так посягать на силу Вашего мужа, он, конечно, сумел бы оборониться и просто заявить свое минимальное право ни на какой на комфорт, а просто на профилактический бытовой минимум, но он не только никогда не скажет Вам об этом, он даже будет стараться не допускать себя до мысленного упрека по Вашему адресу. Вы приучили его к мысли, что Вы слабы, нуждаетесь в постоянной поддержке и сосредоточенном на Вас внимании, и выходит таким образом, что он еще чувствует себя виноватым, что вот из-за большой общественной занятости он еще не уделяет Вам достаточно времени и внимания. И он привык именно так думать, и поэтому он постоянно стремится, как виноватый перед Вами, а Вас как чем-то обездоленную – компенсировать. И Вы незаметно, постоянно призывали не считаться с ним ради себя. Хотя Вы крепко убеждены, что Вы внимательная, самоотверженная жена и тактичный товарищ. Только огромная дисциплина чувств и полное отсутствие эгоизма у этого человека позволяют ему любить Вас, а Вам так злоупотреблять его любовью. Другой бы сам никогда этого не простил, даже если бы был внешне сдержан.

Эта мелкая сеть бытового эгоизма близких людей по крупинкам набирается в целые горы. Если эгоист не умен и груб, то окружающие прекрасно знают, что он эгоист, и осуждают его, даже если не всегда протестуют. Если же такой эгоист умен, да еще если это женщина, да еще если эту женщину любят и она умеет быть обаятельной, то все устраивается таким тонким образом, что ее стараются даже мысленно не обвинять, а находят беспрестанные основания для ее именно таких исключительных нужд и прав. И даже не замечают, что создается род особой диктатуры, наиболее трудной для человека – диктатуры над душой, над мыслями.

Должна Вам сказать, что снаружи все выглядит очень хорошо, сердечно, любовно и семейно. Но это только для поверхностного наблюдателя или при кратковременном общении. Но мне было достаточно пробыть с Вами обоими месяц и теперь побыть у Вас один раз в доме, чтоб сказать уже окончательно, что все, положительно все, от тона, неуловимых мелочей, иногда приказания, отданного молчанием, все говорит о том, что в этой семье – женщина, мать, тетка, хозяйка – умный эгоистический диктатор.

И все то, что выглядит мило и привлекательно в Вас: ум, культура, доброжелательный взгляд на людей, спокойный оптимизм к жизни, уже не могут заслонить того, о чем говорено раньше, и даже наоборот, – эти качества ставить в вину, а что касается оптимизма, то и о нем думаешь, что это оптимизм человека, который, в конце концов, всегда был защищен от жизненных бурь, оптимизм избалованного существа, которому спокойнее и приятнее думать, что все в жизни устраивается к лучшему, а не к худшему. Это оптимизм человека, который *никогда* кровно не пе-

режил бессмысленной, несправедливой гибели прекрасного. Не видел этого своими глазами, не окунул в такую кровь свои руки, и который никогда не способен на длительную, в неизвестности, молчаливую, не рассчитывающую никогда ни на какую благодарность, – самоотверженность ради дела или человека. Самоотверженность, принятая на себя, просто выполняется как долг и не ощущается как жертва.

И любопытно, что оптимизм такого происхождения обычно очень хрупок и односторонен. Вернее, двусторонен. Один оптимизм для всего мира и всех людей, а для своих людей и дел – особо.

Вряд ли Вы сохраните такой оптимизм в том случае, когда Вам только покажутся тучи, угрожающие Вашему благополучию. Я склонна думать, что Вы даже допустите излишнюю нервозность, сгустите краски и опасения.

Пожалуй, прочтя это, Вы скажете, что слишком много общих выводов и обвинений, а конкретных примеров нет. Извольте еще один: Вы очень много волнуетесь, что муж Ваш огорчен отсутствием денег. Вы очень страдаете, что он переутомляется работой, на Ваших глазах Ваше беспокойство усилено его недавней болезнью, которая его ослабила. Вы очень настаиваете, чтоб он работал поменьше, и уговариваете его не работать ради денег. Но... ничего не делается, чтоб сократить расходы.

Вы держите две прислуги, хотя Вы целый день дома, у Вас прекрасное воспитание. Вы хозяйка, и в доме взрослая 18-летняя девушка. Вы не даете себе труда удержать страсть к внезапным тратам, без которых можно обойтись (эта страсть присуща большинству женщин, и мне в том числе, но ради любимого человека можно ею управлять).

И, скажем, в данном случае: Вы много озабочены, где достать денег на поездку в Иркутск, и тем, что это будет очень много стоить, но Вам совершенно не приходит в голову просто и твердо сказать: „Милый друг, я останусь дома, в этой поездке не столько удовольствий, сколько забот, и без меня ты поедешь и сделаешь свои дела гораздо скорее и легче, так как тебе не придется заботиться дополнительно о моем комфорте. От этих забот ты, мой милый, не сможешь отказаться из-за любви ко мне, но я хочу и решила твердо тебя от них избавить“.

А может, он от Вас ждет этой заботы, этой догадливости? Подумайте только, ведь тогда сразу отпадает необходимость ломать голову о деньгах и, несомненно, потом брать спешную работу, чтоб восстановить нарушенный бюджет.

Вы считаете вполне естественным, что дочь надо отправить на отдых после учебы.

Что сына нужно отправить на отдых после работы.

Что Вам будет приятно посмотреть на сибирские пейзажи из окна вагона, а что в Москве оставаться Вам скучно.

Что ж Вы огорчаетесь, что этот человек ломает голову, где достать денег.

Будете страдать и даже плакать, когда он засядет опять за стол и будет писать сверхскоростными темпами роман или десяток не нужных ему статей, а Вы будете экономить на редакции.

Неужели Вы не видите, Вы, человек образованный, с тонким литературным чутьем и вкусом, любящий талант Вашего мужа, неужели Вы не видите, что на его последней работе [роман «Флаги на башнях». – Г. Х.] лежат следы спешки?

То, что я говорю Вам, я в свое время поняла и в себе самой, и в людях, мне близких, разобралась. Тряпки – для жен, а не для мужей – [мне] стали нравиться прошлогодние платья.

Ему по натуре – легче все давать, труднее – отказывать».

Поскольку в наследии Барской отсутствует машинописная копия с «чистовика» этого письма, можно, пожалуй, сделать вывод, что оно не было перепечатано и отправлено.

6. Запись Барской о Макаренко (из дневника, без даты, приблизительно октябрь 1938 г.)

Данную запись о беседах Барской с Макаренко по поводу его стремления вернуться к педагогической деятельности можно датировать началом или концом октября 1938 г. – до или после его командировки в Ленинград. Там же во время встречи с учителями начальных и средних школ в Областном доме учителя города на Неве (16.10.1938 г.) он впервые выступал по поводу своего заявления о вступлении в должность директора одной из школ Москвы. Не последней причиной для данного шага, без сомнения, была постоянная нужда в деньгах в семье писателя.

В записи упоминаются два бывших воспитанника Макаренко: «Лева» – Л. М. Салько, сын Галины Стахиевны от первого брака, инженер в Центральном научно-исследовательском авиационном институте, и «тяжелый бомбардировщик» – по всей вероятности, В. И. Ключник, выпускник Военной академии имени Сталина, близкий друг Макаренко. Вот этот текст:

«Макаренко – настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный. По-моему, у нас либо этого не понимают, либо он не попал в орбиту настоящего внимания, либо ему не вполне доверяют. А жаль. Макаренко настолько талантлив, что он может сделать *все*, что захочет. Например, скажу такую дикость – он мог бы воспитать ярых белогвардейцев, если б поставил бы себе это задачей, мог воспитать так же, как он воспитал настоящих большевиков. На эту воспитанную им молодежь Советская власть может положиться. Я знаю уже двух: Леву и этого „тяжелого бомбардировщика“, остальных легко представить. Вот, это умение сделать, что хочешь, и есть настоящее мастерство. А всякий мастер прежде всего хочет наиболее широкой арены для своей деятельности. Конечно, Макаренко по-настоящему может быть увлечен теми возможностями, которые дает революция. Не случайно, что он проявился в советской системе. В капиталистической системе он никогда не поднялся бы до таких высот, потому что мастер, творческий человек, которым он является, может творчески расти и дышать только при том, что ворочает большими масштабами под высокими лозунгами. А какой идейный кругозор мог бы он иметь, скажем, в Америке, даже если б ему отпустили миллионы и дали бы делать, что он хочет? Пожалуй, ему хватило бы увлечения на десяток лет, а потом бы он закис, потому что той или иной дорогой, но та часть мира идет к фашизму, значит, к отсутствию перспектив. К перманентному разрешению и насилию, т. е. антиподы Макаренко.

Если б зависело от меня, я бы доверила ему все воспитание детей в школах, сначала в Москве, а потом, когда бы он наладил, и во всем Союзе. Он единственный человек, который поставил [бы] это дело так, как надо. Но для этого нужно, чтоб ему поверили настолько, чтоб хоть год не „давали им руководить“ всяким наркомпросовским крысам.

Макаренко – такой человек, которому надо оказать полное доверие, и он даст пышнейший цвет, оплатит тысячекратной пользой. Дело с образованием детей у нас поставлено механически, но еще туда-сюда – сносно, но дело с воспитанием – просто плохо. А принимая во внимание, что дети в такие периоды, как теперь переживает страна, особенно нуждаются в *правильной* системе, то я просто не могу спокойно думать, что Макаренко сидит в Союзе писателей и делает бесконечную грудку нелепой работы, которую он пытается наполнить своей добросовестностью и смыслом, и что ему не удастся, потому что перевоспитывать писателей гораздо труднее, чем воспитывать детей, даже 50 миллионов детей. И вот он занимается этим, вместо того, чтоб двинуть его на его природную работу, без которой он тоскует. Я уже избегаю с ним говорить на эту тему, потому что он при всем его самообладании плакал опять прошлый раз, как стал говорить о работе.

Хотя он говорит, что ему уже дети не нужны, но как он оживился, когда ему предложили *только* одну школу. Что для него это? Чепуха. Но он предпочитает идти на это, чем спокойно сидеть, писать книги и статьи и получать гонорар, т. е. делать то, что делают многие члены Союза. Он старается скрыть, что его волнует – согласятся ли на его условия. А условия он поставил такие: 2 тысячи жалования и 2 года не вмешиваться в его дела. Он обещал регулярно делать отчеты в Наркомпрос через несколько месяцев, но сказал, что распорядок школы и штаты будут целиком зависеть от него. Я его спросила, зачем ему столько денег. Он сказал, что он действительно хочет не думать о нуждах семьи, чтоб с головой на ночь и на день уйти в школу. Я ему говорю, что можно прожить меньше, чем на 2 тыс. А он прищурился и говорит: „Конечно, можно. Может статься, что я семью посажу на пятьсот, семьсот рублей из этих двух тысяч, а остальное будет идти на ту же школу. Я же знаю по опыту, что денег у них на школу не выпросишь. Иной раз я большое предприятие [мероприятие. – Г. Х.] смогу провести, если вовремя затратю сто или пятьсот рублей, а тут пока начнешь выклянчивать у Наркомпроса, то дети успеют вырасти. В особенности в первый организационный период“. Тут он увлекся и стал рассказывать, что бы он сделал. У меня дух захватило. Он предполагает проникновение через школу в быт всего квартала города. Он говорит, что „у меня все родители и не родители-пьяницы будут на учете, через год максимум – все население этого района, которому принадлежит школа, узнать будет нельзя. Во дворах будет чистота. Родители будут в школу бегать не только по поводу детей, но и вообще по всем поводам. Школа делается *очагом культурных сил района*; люди, живущие в этом районе, будут честнее на своих службах работать и т. п. и т. д.“. А главное, что он это действительно может сделать. Он может даже педагогов заставить работать не так, как они работают теперь.

О боже, что сделать, чтоб Сталин о нем узнал так, как надо?

А главное что? Понятно, что поколение, сидящее сейчас на школьных скамьях, должно вместе с букварем изучать винтовку и всасывать дисциплину как материнское молоко. У нас это уже поняли и делают – эти военные школы. Конечно, это лучше, чем ординарные школы, существовавшие до сих пор. Они вообще почти не выдерживают критики. Но сделать все-таки по-настоящему мог бы Макаренко как никто. Я считаю, что в этих военных школах распорядок является следствием тех методов, которые пропагандировал М[акаренко] в „Пед[агогической] п[оэме]“, хотя об этом никто не говорит, но дело не в этом. Я вижу, что ему тяжело, сил у него много, организационный зуд колоссальный, а на писательском подножном корму ему скучно. С каким беспокойством он сказал – ну они, наверное, не согласятся. Правда, у меня сердце сжимается от страха – он может умереть, но он будет счастлив, а теперь он мучается».

В глаза бросаются первые два предложения этой записи: «Макаренко – настоящий подлинный мастер, крупнейший мастер. Писатель он очень талантливый, но педагог он просто гениальный». Итак, Барская называет Макаренко гениальным педагогом еще при его жизни, будучи его современницей. После громкого успеха «Педагогической поэмы», которая вышла в середине 1930-х гг. в трех частях, Макаренко стал широко известен именно как писатель. Тогда никто даже не задумывался о педагогической гениальности Антона Семеновича, да и он сам в последние годы жизни считал себя только писателем. В то время советские ученые-педагоги еще не обращали на него сколько-нибудь серьезного внимания. Барская первой дала верную оценку Макаренко уже при его жизни.

7. Письмо Барской Сталину (10.10.1938 г.)

В этом документе из вышеупомянутого чемодана (машинописная копия, напечатана под копирку, без подписи) фамилия Макаренко не упоминается, но его не-

зримое присутствие ощущается в мужественных действиях и чертах характера Барской. В письме речь идет о новом начальнике Главного управления кинопромышленности, председателе Комитета по делам кинематографии при СНК СССР С. С. Дукельском. Вот текст письма:

«Д[орогой] т. Сталин,
я написала Вам письмо (копию прилагаю). Письмо это было переслано из Вашего секретариата в секретариат Дукельского.

Дукельский сам разговаривать со мной не пожелал, а разговаривал со мной его зам. Курьянов.

В результате разговора Курьянов сказал следующее, что мои претензии на работу имеют основание, что он видел мою картину „Рв[анные] баш[маки]“ и что картина хорошая, что мое увольнение было неправильным. Но т[ак] к[ак] это сделало прежнее руководство, то они за это не отвечают. Что положение мое „щекотливое“, как он выразился, но что работы они мне дать не могут под предлогом, что у них режиссеров больше, чем нужно.

Я стала предлагать конкретные и нужные сейчас производству формы работы. Все было отклонено, хотя сами предложения были названы правильными, нужными и полезными.

Второй разговор с Дубровским (зам. Курьянова). Так, как он разговаривал со мной, можно разговаривать только с человеком, объявленным вне закона. Ему было поручено от меня отделаться, кое-ка[к] соблюдая декорум.

Это ему оказалось не по силам, он запутался и в конце разговора сделал признание: „Если на нас надавит высшая инстанция, то мы сделаем для вас исключение и работу дадим, а если нет, то ничего сделать не можем“. Это после того, как он в разговоре несколько раз в разных формах сказал, что считает меня работником высокого уровня.

Что же делать, т. Сталин, когда приходится опять обращаться к Вам. Мне не к кому больше обращаться, да я и не верю больше в помощь, кроме как от Вас.

10/X – 38 г.»

8. Помощь Литфонда Барской

Как кандидат в члены ССП, М. А. Барская имела право на получение материальной поддержки в форме медицинского и санитарно-курортного обслуживания и оказания бытовых услуг. Но ответы на ее просьбы о приобретении путевок не слишком радовали. В протоколах комиссии Правления Литфонда между октябрём 1938 г. и апрелем 1939 г. на повестке дня стояли три соответствующих заявления сценариста-режиссера, которые свидетельствуют о трудном положении в последний год ее жизни. Так, на заседании от 10 октября 1938 г. говорится: «**БАРСКАЯ М.**, канд. ССП. / Путевку в санаторий для нервнобольных за счет Литфонда. / Постановило: При наличии мест предоставить путевки в нервный санаторий на 1 м-ц за личный расчет». А 1 ноября 1938 г. можно прочесть: «Об отсрочке уплаты задолженности до 1.1.1939 г. / Постановило: Уплату задолженности отсрочить до 1.1.1939 г.». И наконец 10 апреля 1939 г. говорится: «**БАРСКАЯ М. А.**, чл. (!) ССП, в Д[ом] Т[ворчеств]а Голицыно для взрослой сестры на 1 м-ц по писательской стоимости в кредит. / Постановило: Для больной сестры т. Барской предоставить путевку в Подмосковский Д/отд. на 1 месяц по писательской стоимости как ссуду под личное обязательство т. **БАРСКОЙ**, М. А., сроком на 6 месяцев».

9. Из переписки Барской с Макаренко в ноябре 1938 г.

С конца октября до конца ноября 1938 г. Макаренко лечился в Кисловодске, для чего Литфонд 1 сентября «ему и жене» выдал путевки. Но на этот раз писатель ездил один.

В наследии Барской находятся два соответствующих письма этого периода – одно Маргариты Александровны (машинописная копия, напечатанная под копирку) и одно Антона Семеновича (машинописный оригинал), кроме того, две телеграммы (подлинники) последнего. Эти четыре документа здесь впервые приводятся полностью. Из второго послания литературовед Е. Балабанович в своей монографии «Антон Семенович Макаренко. Человек и писатель» (М., 1963) цитировал короткий отрывок, ссылаясь на экземпляр данного документа, который хранился у Е. М. Барской. При этом автор книги называет адресатом письма «одну знакомую» Макаренко.

То обстоятельство, что в частном наследии Барской ни одного из упомянутых в этих четырех письмах и телеграммах дополнительных документов не обнаружено, подтверждает мою версию о проведенной самой Маргаритой Александровной «чистке» личного архива.

а) Письмо без даты (начало ноября 1938 г.)

«Здравствуйте, Антон Семенович!

Если бы Вы знали, какое внутренне затруднение испытываю я в связи с получением Вашего письма и телеграмм.

Откровенно: я даже не знаю, как Вам писать и о чем. Дело не в том, что, как Вы пишете, Вы „врываешься в мою жизнь сейчас, когда мне не до этого“, а дело гораздо хуже обстоит: мне кажется, что я сама не знаю, „до чего“ же мне сейчас. Для меня сейчас „распалась связь времени“, а потому, верно, распались какие-то душевные скрепы, без которых человеку невозможно испытывать нормальные чувства любви, благодарности, нежность и пр., т. е. все то хорошее и человеческое, без чего человек не человек.

Мне неприятно обнажать перед Вами внутреннюю жизнь. Но я понимаю, что если на Ваше, такое сердечное, искреннее, полное подкупающего чувства письмо, что если на такое письмо нельзя ответить тем же, то надо, по крайней мере, быть правдивой, чтоб не обидеть Вас холодностью, которой Вы не заслуживаете.

Если б я могла испытывать грусть, то мне было бы очень грустно. Грустно потому, что на такие письма, как Ваше, надо, чтобы в жизни было так, чтоб ответить тем же, и тогда счастливый конец. Либо надо написать: я не люблю Вас так, как Вы бы этого хотели, и полюбить Вас таким чувством, как Вы этого заслуживаете, я тоже не смогу. Я это знаю.

Первого я не могу написать потому, что ни Вам, ни мне не нужна ложь, даже филантропическая, в лучшем значении этого слова. А второе мне как-то боязно писать (хотя я уже написала).

Нехорошо самой на душе хлопать таким безнадежным молотком по лучшему, что есть в человеке. Тем более, когда я думаю, что я не заслуживаю Вашего самоотверженного и полноценного чувства, раз сама не способна на такое.

Кажется, что из всех чувств я способна только на эгоистические – мне было бы жаль лишиться Вашей дружбы. Обычно принято думать, что настоящей дружбы между мужчиной и женщиной не может быть, потому, мол-де, что всему помеха – любовь, а это, мол-де, значит, что дружба „не бескорыстна“.

Я всю жизнь считала, что самая чистейшая, бескорыстная, лучшая дружба – это как раз такая, которая происходит от любви, но, правда, от такой любви, в которую человек вкладывает все лучшее, что в нем накопилось за жизнь. Мне не хочется длинно философствовать на эту тему, а то Вы, чего доброго, заподозрите меня в

пошлом маневре: предлагаю дружбу вместо любви. Это действительно пошлость. Объяснить точно не могу, почему, но так думаю. Я ничего не предлагаю и ничего не могу подправлять или предугадывать.

Я Вам верю. Я сама рада, что могу сказать Вам это. Я особенно дорожу и создаю значение доверия. Особенно теперь, когда вероломство во всем и всюду надделало такие страшные разрушения. Мы все по разным причинам, в той или иной степени, больны этим – боязнь верить собственным глазам и ушам, а не то что словам.

Я же верю гораздо большему, чем Ваши слова, я верю в способность Вашей природы к подлинному чувству, которое облагораживает и освежает сердце. Вам вообще незачем так постоянно уверять меня в том, что Ваше чувство – настоящее и подлинное, а не ферлакурская [устар., от франц. *faire la cour* – ухаживать за женщиной; ферлакур – повеса, ловелас, ухажер. – Г. Х.] затея. Если бы я думала что-либо в этом роде, то я бы Вас, конечно, не прокляла, но у меня хватило бы слов, чтоб отшутиться, и во всяком случае, у меня не появилась бы та серьезность, и внимательность, и желание говорить на тему, где неизбежно скажешь такие серьезные слова, как „Ваше чувство“.

Но я думаю, что нам с Вами никогда не следует больше говорить на эту тему. Я вообще считаю, что эта тема – для чувств, мыслей и поведения, а не для разговоров. Это письмо я пишу Вам потому, что я ни в коем случае не чувствую призвания ни к какому „вампиризму“, т. е. ко всей этой мелкой и нечистой игре на железах внутренней секреции, которую почему-то принято считать „женственностью“.

Написала же еще потому, что считаю действительно нужным быть правильной с Вами, что достойно и Вас, и меня. Люди мы взрослые, испорченные, но хорошие.

И еще потому, что у меня не хватит мужества сказать Вам это, скажу же, когда Вы придете ко мне по приезде. Я, конечно же, знаю, что Вы придете в том счастливо-агрессивном сердечном состоянии, которое я сама в себе люблю. И которое считаю особенно привлекательным мужским даром. И намечали Вы там, наверно, что хотели. А мне хочется встретить Вас приветливо и дружелюбно. А в то же время я и боюсь, что это и окажется впоследствии недобросовестно (или Вы так подумаете).

Тут, в Москве, мы с Вами виделись почти каждый день, и я отлично понимаю, что мешала Вам мечтать и поливала душем из сухарей все, что Вы приносили ко мне, и что вообще-то между людьми совсем сухарного душа не заслуживает, а наоборот. Но что же делать, когда я не могу?

А там за месяц я Вам не помешаю, и за отсутствием такового охладительного аппарата, как я, и [благодаря] Вашей вполне нормальной мужской психике (которую я ничуть не осуждаю) Вы придете таким, что я буду чувствовать себя с Вами противоречиво и трудно, и испорчу Вам настроение в первые дни приезда в Москву. А мне вот как раз-то этого не хочется. А хочется так, чтоб и настроения не испортить, но чтоб и полная ясность была (вот как в этом письме). И как это сделать, я не знаю, и думаю, что написала плохо и не так, и жалею, что в отношениях людей нет такого же точного прибора, как тормоза. Одним словом, чтоб при любом безраздочном и плохом положении было все-таки получше, а не похуже.

Прочла и совершенно не понимаю: достигла, чего хочу или нет. Судить себя по этому письму с Вашей точки зрения – не в состоянии. Вы сами разберетесь, и никто за Вас этого сделать не может.

У меня спокойная душа, я уверена, что я не катастрофа в Вашей жизни. Может быть даже, что Вы после этого письма проснетесь на другой день и с удовольствием скажете себе: выздоровел! А если скажете это с грустью, то это будет значить, что Вы принадлежите к той части человечества, которая больше дорожит возможностью для себя испытать чувство самому, чем удовольствие от чувства к себе.

Я, например, принадлежу к этой части и горжусь этим.

Самое главное в этом – каким окажетесь Вы, а тут ничего надумывать и подделывать не надо. И от этого и зависит, какие будут у нас с Вами отношения.

Мне, во всяком случае, больше охотно, чтоб отношения наши с Вами были легкими без притворства. А я последнее время, перед Вашим отъездом, уже не могла этого. И, не видя никакой другой возможности, сказала Вам, чтоб Вы уезжали. Поэтому не думайте, что Вы были не деликатны и „врывались“, как Вы говорили перед отъездом и как пишете. Если и было „врывательство“, то оно было проникнуто искренним желанием сделать для меня все лучшее и было дружеским, и за это я не могу Вас винить, а наоборот – очень благодарна (не для вежливого словца). Но получились все-таки чертовы противоречия, которые все изменили.

Всех благ Вам.

Маргарита.

1938 г.»

б) Письмо от 08.11.1938 г.

«Кисловодск, 8/XI-38

Дорогая Маргарита Александровна!

С праздником, с праздником!

Замечательным праздничным подарком могло бы быть Ваше письмо, а в нем для этого много прелестных строчек, но потом Вы прибавили и много гадостей, пакостей, зловредных, пасквильных. Не могу не рычать и не ругаться. Не хочу вдаваться в частности, но возмущаюсь вообще искажением перспективы. В своих педагогических доводах я всегда настаивал на необходимости воспитывать способность ориентировки. Как же обидно у своих друзей вместо этой способности наблюдать зияющий провал! Да еще у каких друзей? У таких умных, талантливых и широких, как Вы. Для ориентировки нужен прежде всего вкус, и у Вас его до черта, почему же все-таки Вы пишете: ... „и не очень безобразная смерть“. Какая чушь, простите! Разве о смерти можно думать в порядке плана? Мы, люди, имеем неумеренный аппетит к пошлости: нам хочется всегда счастья, благополучия, тишины, душевного покоя, нам не нравится, когда болит зуб или когда болит душа. Только в литературе мы наслаждаемся человеческими ценностями. А если такая ценность свалилась на нашу живую голову, мы начинаем скулить. Вы одарены ценностью в совершенно избыточном порядке: у Вас личность, требование к жизни, страсть и нетерпение, философски потревоженные корни, столкновения, удачи и неудачи, очарования, разочарования, талант и блеск, а Вы недовольны. Вам пришлось подмести комнату, между нами говоря – единственная работа, которая меня привлекает. Я очень жалею, что я не служу подметальщиком на вокзале.

Ну, довольно мудрости. Поверьте, ничего не может быть пошлее, чем жизнь в санатории. Это пошлость, доведенная до гениальной отвратительности. Влезать в ванну, в которую в день влезает 30 человек, а ванна помещается среди 200 таких же ванн – это полное уничтожение человека. Каждая „личность“ при этом топорщится и пищит: „Почему температура 34, когда нужно 35°“, каждая личность уверена, что ошибка даже на 1° колеблет вселенную, а обслуживающий персонал со скукой пропускает в сутки несколько тысяч таких личностей, и где-нибудь в Москве, в каком-нибудь Курупре [Курортном управлении. – Г. Х.] сидит такой мелкий, облезлый и полуживой человечешко и выписывает: „средний процент отрицательного действия нарзана по наблюдению в 5 000 000 случаев равняется...“

Видите, какая похабщина, а люди стремятся к ней и платят за нее деньги. И к таким паскудным вещам они стремятся всегда, растеривая лучшие свои божественные атрибуты. В этом, и только в этом, заключается кризис человечества. И поэтому так высок подвиг, но еще выше его та сложная, невиданная глазу, будничная симфония, которая выпадает на долю отдельных людей в хорошие минуты. Я, ка-

жется, уже имел честь рекомендовать Вам „Голод“ Гамсуна. Это самая замечательная книга, в особенности, если не придирается к отдельным местам.

Я, параллельно с Вами, увлекаюсь мемуарами. Прочитал Бюлова, германского рейхсканцлера. Он замечательно характеризует Николая II – „человек равнодушный“. Теперь читаю дневник цензора Никитенко – есть места чарующие.

Ваши четыре „жадности“ очень мне нравятся – страшно мне нравятся. Они замечательно показывают, какой Вы здоровый и жизнерадостный Человек, просто завидую. Я очень хорошо Вас понимаю. И у меня самое страстное, самое заповедное желание побывать в каком-нибудь „Никарагуа“, погулять по „Огненной земле“, прокатиться в машине через Америку. Я только в Сибири не хочу быть – не нравится. Я потому и завидую англичанам, что они могут, не выправляя заграничного паспорта, сесть на пароход, как мы на речной трамвай, и съездить в Австралию или Канаду. Шикарно. И когда прогремит всемирная Революция, я обязательно буду путешествовать.

Я живу, во-первых, скучно, во-вторых, обидно. Пять раз нужно спускаться в столовую! А вообще... не знаю, как мне не нравится. Гулять не хожу, потому что все ходят. Здесь много моих почитателей, но я должен их разочаровать, так как они меня наблюдают только в „жвачном“ состоянии. А им, естественно, хотелось бы видеть меня за минуту до самоубийства. Они правы.

Спасибо, что вспоминаете Пушкина. Никитенко иногда пишет о нем недружелюбно. Пушкин был-таки вредный человек. Это очень хорошо.

От всего сердца, старого, опытного, мудрого сердца, желаю Вам хорошего святого беспокойства и насильственной улыбки.

И пусть Вас никто никогда не жалеет, – признак большого к Вам уважения. Самый лучший букет – нежность безжалостности.

Ваш А.»

В чемодане Барской есть фотография, вырезанная из неизвестной газеты, с изображением шикарного автомобиля, мчащегося по шоссе через необъятные «заграничные просторы». Можно предположить, что, глядя на эту фотографию, Маргарита Александровна мечтала о том, как она, «когда прогремит всемирная Революция», будет сопровождать Макаренко в его поездке по Америке именно на такой машине. Вероятно, Барская придавала большое значение этой идее, почему и сохранила газетную вырезку вместе с приведенным выше письмом.

в) Телеграмма от 15.11.1938 г.

«МОСКВА ГЕРЦЕНА 47 КВ.25
МАРГАРИТЕ БАРСКОЙ

КИСЛОВОДСКА 1/41 26/81 46 16 15 20

ЕЩЕ РАЗ ПРОВЕРЬТЕ ЗАКОНЫ ПРЕКРАСНОГО И ВЫ УВИДИТЕ КАК МЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНО ЖИВЕМ А МЕЛОЧИ НУЖНО ЛЮБИТЬ ДАЖЕ НЕПРИЯТНЫЕ ЗАКАЗЫВАЮ ВАМ МИЛЛИОНЫ УЛЫБОК САМОГО СРОЧНОГО ИЗГОТОВЛЕНИЯ БОЛЬШЕ ПИШИТЕ РАССКАЗОВ И КРЕПКО СПИТЕ СЧАСТЬЕ ОТ ВАС В НЕСКОЛЬКИХ ПЕРЕХОДАХ = ВАШ ДРУГ»

г) Телеграмма от 26.11.1938 г.

«МОСКВА ГЕРЦЕНА 47 КВ.25
МАРГАРИТЕ БАРСКОЙ

КИСЛОВОДСКА 1/41 20 26 11 5

ВАШЕ ПИСЬМО ВЕРХ ИЗЯЩЕСТВА НИЗКО КЛАНЯЮСЬ БЛАГОДАРЮ
ПРИЕЗЖАЮ ПЕРВОГО БУДЬТЕ СЧАСТЛИВЫ = ВАШ ДРУГ»

10. Макаренко в опасности

Мотив «врага», ставший едва ли не главным в третьей части романа «Флаги на башнях», звучит и в статье «О коммунистической этике», написанной в конце января 1939 г., но опубликованной лишь после смерти Антона Семеновича. Эта статья содержит суждения Макаренко по поводу «чисток» предшествовавших лет, в частности такие: «В последние годы мы имели много случаев убедиться в том, что некоторые люди, которые особенно многословно декларировали свою революционность, оказались тайными врагами революции». Далее Макаренко требует принять меры для обнаружения «вредительства» именно в области педагогики, и в этой связи он пишет:

«Эффективность враждебного вмешательства в области народного воспитания может быть очень большой, и здесь ее труднее обнаружить. Вредительство на заводе или в шахте рано или поздно обнаруживается в явлениях материального характера, которые можно всегда точно назвать и квалифицировать. Вредительство в области воспитания может быть скрыто надолго, так как результаты воспитания появляются очень медленно и всегда в более или менее спорных формах».

К вопросу об «уничтожении врагов» Макаренко вернулся еще раз во время выступления перед харьковскими студентами 9 марта 1939 г. На вопрос одного из слушателей: «Если неисправимых нет, то как вы смотрите на высшую меру наказания – расстрел?» – он отвечает вначале уклончиво, ссылаясь на поучительный пример о «высшей мере наказания» в коммуне им. Дзержинского – исключение из коллектива. Затем переходит к существу вопроса – о ликвидации действительных или мнимых политических противников – и совершенно неожиданно, пугающе хладнокровно приноравливает жертву идеологии коллектива жизнь «врага», т. е. отдельного человека.

В стенограмме этого выступления есть такие строки: «И, конечно, и расстрел в нашей стране совсем не значит, что тот человек, которого расстреляли, почему-либо неисправим, наверное, с ним еще можно возиться, но коллективный опыт, коллективное требование, коллективный гнев – вот что нас, прежде всего, интересует».

Мы уничтожаем таких врагов, хотя возможно, они как-нибудь могли прожить, и, уничтожая их, мы усиливаем наше требование к человеку, и наше уважение к коллективу, и наши надежды, и нашу ненависть к врагам». Это расплывчатое заявление Макаренко показывает, что он против расстрела, но вынужден говорить так, как было принято в то время. Иначе было нельзя.

По свидетельству академика АПН СССР Э. И. Моносзона, «ордер на арест Антона Семеновича незадолго до его кончины уже был подписан». В определенной степени это подтверждала и вдова Макаренко. Людям, которым Галина Стахивна доверяла, она неоднократно рассказывала, что муж «ежедневно ждал ареста. И всякий раз, когда раздавался стук за дверью даже сухой ветки, вздрагивал и думал о том, что за ним пришли».

Впрочем, атмосфера страха и ощущение неотвратимо приближающейся опасности особенно наглядно проявились в поведении Макаренко в 1938 г. по отношению к его любимому воспитаннику С. А. Калабалину, который до своего кратковременного ареста работал в трудколонии украинских чекистов. Поскольку прежний защитник педагога-писателя, бывший нарком внутренних дел УССР Балицкий, к тому времени уже был репрессирован, Макаренко наивно посоветовал Калабалину «обратиться с письмом к т. Ежову», а затем, видимо испугавшись последствий переписки, замолчал на несколько месяцев, не реагируя ни на какие просьбы «сы-

на» ответить хотя бы строчкой письма. Наконец, доведенный до отчаяния Калабалин с горечью вынужден был констатировать: «Итак, Вы не пишете. Объяснения в голову лезут самые жуткие. Думается мне, что Вы решили прекратить всякое общение с человеком, задержанным органами НКВД».

11. Из записей М. А. Барской (декабрь 1938 – январь 1939 г.)

В архиве Барской есть записи, которые – на основе хронологии событий в жизни Макаренко – можно датировать концом 1938 – началом 1939 г.

В «Правде» от 1 февраля был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 31 января, согласно которому 172 писателя были награждены орденами «за выдающегося успехи и достижения в развитии советской художественной литературы», среди них 21 человек – орденом Ленина, 49 (в том числе и Макаренко) – орденом «Трудового Красного знамени» и 102 – орденом «Знак почета». Поздравляли Макаренко с высокой наградой многие друзья. Можно предположить, что среди них была и Барская, хотя в наследии педагога-писателя ни письма, ни телеграммы сценаристки не сохранилось. Второго февраля 1939 г. Макаренко пишет Калабалину: «Орден всех взволновал, думаю, что теперь и работать станет легче».

Высокая награда воодушевила Макаренко и идейно-политически – 15 февраля 1939 г. он подал заявление в парторганизацию ССП с просьбой принять его «в число кандидатов в члены в ВКП (б)».

Вот тексты из наследия Барской (машинописные копии, напечатанные под копирку), которые можно рассматривать как написанные в период до награждения Макаренко орденом:

а) Запись

«У Макаренко нужно учиться любовно смотреть на людей.

Он радуется в человеке всему хорошему, начиная от внешности, маленькой повадки, до больших душевных качеств.

Для [У. – Г. Х.] Макаренко та же особенность и умение, что и у Горького – порадовать читателя словом, тем, КАК сказана та или иная мысль (хоть тут и тени формалистического гурманства словом нет). И хорошо еще в этом то, что у Горького эти неожиданные и волнующие сочетания слов сделаны из старых, всем известных слов; и у Макаренко из всех известных слов сделаны неожиданные и новые сочетания. Но у Горького словарь общеупотребительный человека предыдущего поколения, а у Макаренко это общеупотребительный словарь человека революции, сегодняшнего. Поэтому от его сочетаний в словах то и дело то усмехнешься, то взволнуешься, и всегда весело, что так ново, скупо и точно определено явление всеми известными словами.

У него есть внезапные, тоненькие и колкие, как иголки, штрихи, [он] несколькими словами обрисует какую-нибудь повадку, присущую человеку, и сразу создается внешний образ. Если мне придется работать с актером, то вместо того, чтоб долго рассказывать ему, какой человек, какие у него манеры, какой ему присущ ритм, то вместо всего этого достаточно будет ему сказать, например, так: что он как бы „стал таинственный человек“, и сразу актеру станет понятно, как такой человек думает, молчит и говорит.

Кажется, никто из наших писателей не пишет так откровенно от своего лица и никто так много не употребляет местоимение „я“. Но в этом нет ни йоты никакого человеческого яканья или писательской навязчивости (что, например, раздражает у Тургенева). Просто у Макаренко это потому, что он органически, всеми порами, сплетен с жизнью и с людьми, которых он описывает. Не умею найти сравнения, но, например, так: стоит прекрасное сильное дерево, корни оно глубоко запустило в землю, боками этих корней оно чувствует и червяка в земле, и крота, который уг-

нездилился под каким-ниб[удь] коленом. Ствол его обнимается воздухом, под корой личинки, на коре мох с северной стороны. Крона вонзилась в воздух, листья, как котят, ласкаются с ветром. На них и свет, и тени при поворотах. На ветвях птицы в гнездах, на цветах мошки, от солнца выступает смола и пахнет. Он всеми проявлениями жизни окружен и на все отвечает. В дупле у него белка вывела детенышей.

Разве можно сказать, что этот дуб „ячествует“, так показывая жизнь через себя самого? Конечно, нет. Потому что жизнь со всеми ее проявлениями больше этого дуба, а он только отчетливо хорошо ее преломляет в самом себе, будучи сам ее частью [два предыдущих абзаца зачеркнуты. – Г. Х.].

Вспомнила, как однажды я в 14 лет очень долго сидела и смотрела на какое-то милое дерево, и вдруг физическое понимание целой Вселенной мне стало доступно. Не какой-то неудобной бесконечности, а вселенской жизни с ее химией, математикой, гармонией и яростным стремлением и плавным покоем красоты, и, главное, себя в этот момент почувствовала как бесконечно малую, но совершенно неотъемлемую частицу этой Вселенной, ничуть не менее равноправную, чем какое-нибудь из солнц, лист на дереве, на который так долго смотрела.

Вероятно, такое сознательное и непрерывное понимание этого, и состояние у человека сообщает ему такую и силу и скромность. Нет. Не то думаю.

Так, когда человек непрерывно ощущает свою органическую связанность со всеми явлениями жизни и в то время понимает соотношение масштабов, он полон достоинства и права так говорить „я“, как говорит [...].

б) Запись «Диалог Макаренко – Барская»

Он. Я решил отказаться от блаженства. Несмотря на то, что только теперь понял, насколько оно может быть велико. Несмотря на то, что впервые в жизни поверил в возможность его для себя. (Опираясь я на палочку, стоял прямо и свободно. Говорил спокойным точным голосом.)

Она. ?

Он. Это невозможно. Совершенно невозможно, эчеленца. А урывать крадучись, – это не достойно вас. А все, что будет совершаться недостойного вас, для меня нестерпимо.

Она. Что вы намерены делать?

Он. Сделать над собой усилие такое громадное, какое мне еще никогда не приходилось делать. Потому что вы сами понимаете, вернее – вы совсем не в состоянии понять, что значит – отказаться от вас. Вы даже не можете представить, что это значит... Такому, как я (вы это понимаете – та-ко-му, как я, поверить в существование ваше и возможность...). Так вот. Это...

Пауза.

Она. Хорошо. Я ничего не буду делать, чтоб помешать вам в вашем намерении отказаться от меня. Не буду ни возражать и... никакими другими способами. Но я не буду и помогать вам. Справляйтесь сами, как можете.

Он. Вы думаете... что я не смогу?

Она. Да. Думаю, что на этот раз... в вашей жизни вы не сможете сделать то, что хотите и что правильно».

в) Запись «Диалог с Макаренко»

«Он хотел объяснить, „за что он ее любит“ (а перед этим [был] разговор, что любят всегда „за что-нибудь“, а не „просто так“).

...умные и пленительные движения рук. Очень плавно протягивается рука к предмету, чувствуется, что кисть и кожа очень мягки, а движение точно направлено».

ное, уверенное. Когда у женщины так движутся руки, как у вас, ее нельзя не полюбить. Эти движения так же талантливы, красивы, умны и свободны, как Уланова.

...когда я думаю о вашем уме, о радости общения с вами, вспоминаю ваше выражение лица, игру мысли в глазах, то в это же время я помню и вижу вот эту линию (он проводит по воздуху, не касаясь бедра), она неотделима от вас. Она непотворима, она только ваша, у нее такое же особенное выражение, как в ваших интонациях.

Я лежу в постели, закидываю руки за голову, чтоб [было] удобнее не шевелиться, и смотрю, смотрю в кресло, где он сидел и откуда смотрел на меня издали.

„Если б даже вы не были тем, что вы есть, то все равно вы достойны любви самой возвышенной только за то, что умеете так царственно лежать“.

„Если [бы] вы не были так умны и красивы, [то я бы. – Г. Х.] и не любил вас так“.

„Вы знаете, как мне там скучно. Они все ходят [и] говорят разное, а я все думаю: какие они скучные, и как все не интересно. Вот если б об этом самом с ней говорить, как бы все стало умно, весело, интересно, повернулось бы совершенно новой стороной, дало бы толчок мыслям... А кто умеет так подарить хорошо выраженной мыслью как вы! Скучно без вас“.

г) Запись

«Макаренко. Не умею объяснить, но это „я“ убивает ханжество, которое всегда есть в общепринятом журналистском „мы“.

Помню, Милькин мне все объяснял, что нескромно писать статью от первого местоимения. Надо говорить „мы“ из скромности.

– Да как же, говорю, ведь статья подписывается именем одного человека, и манера излагать – его индивидуальная, и все знают, что он от себя говорит, так зачем же писать „мы“, почему же это скромнее?

Из желания скромности получается какой-то „Мы, Николай Второй“, с одной стороны, а с другой – как бы какое-то прикрытие, вроде того, что журналист говорит читателю: ты только попробуй со мной не согласиться, нас-то ведь много, мы тебе зададим. И боится и грозит.

Все, что рассказано, и то, как рассказано о семье Веткиных [персонаж «Книги для родителей. – Г. Х.] – удивительно прекрасно. Большого оптимистического случая в жизни я не слыхала. Получаешь уверенность, что человечество обязательно будет и сумеет быть счастливым.

И сама история до того мила и хороша, что ее просто хочется снимать [последнее слово зачеркнуто, но восстановлено. – Г. Х.] [...].»

д) Запись

„Если ты не совершил дел, достойных быть описанными, напиши, по крайней мере, достойное быть прочитанным“. Казанова.

Возможен вариант: „Если ты не написал достойного прочтения, соверши, по крайней мере, описания“. Я считаю, что для нашего времени последнее доступнее. Совершать легче, чем писать хорошо.

Как Володя подарил мне подошву [подушку? – Г. Х.]. Потом собачку и медведя.

Скарабей и портсигар декабриста.

Скелетик, подаренный Натану.

Материя в розах, как куплена и для чего.

Громадные коробки монпансье – „сосунчики“.

Флаконе духов, подаренный в Ялте. Душилась редко, целый год, бессознательно, тогда, когда его долго не было, скучала. Смерть. В[о] флаконе осталась одна треть, запах пережил человека. Через год опять в Ялте, вспомнить разговор у балюстрады».

12. Письмо М. А. Барской матери (приблизительно февраль 1939 г.)

Настоящее письмо (машинописная копия, напечатанная под копиру) подтверждает намерение Макаренко стать директором одной из московских школ и таким образом создать солидный базис для будущего финансирования «буржуйского» хозяйства его семьи. После обнародования разгромной критики на роман «Флаги на башнях» (декабрь 1938 г. / январь 1939 г.) Макаренко в управлении начальных школ Наркомпроса РСФСР хлопотал о такой должности, которую он намеревался занять к началу нового 1939/40 учебного года. То обстоятельство, что он пригласил сестру Маргариты Александровны работать с ним в школе, доказывает близкую связь между двумя творческими людьми. Вот письмо М. А. Барской к матери:

«Мамочка!

Пишу вдогонку. Хочу тебя порадовать и успокоить. Скоро Женька не будет ездить на машине, а будет работать в школе у Антона Семеновича. Во вторник Антон Сем[енович] обедал у нас. Женьке удалось приехать к 3 час[ам]. Мария Николаевна [вероятно, кухарка или домработница М. А. Барской – Г. Х.] превзошла себя – приготовила обед-сюрприз: белки, фаршир[ованные] икрой, желтки запечены в тесте, рыба, фарш[ированная] грибами, луковый суп, мясо в мадере. В общем, обед французский.

Антон Семен[ович] мечтал вслух, какой будет школа. Женька слушала, как зачарованная, но подавала реплики, а потом Ант[он] Сем[енович] сказал:

– Евген[ия] Мих[айловна], пойдемте со мной работать.

Ж[енька]:

– Я пойду хоть дворником.

Ант[он] Сем[енович]:

– Зачем же дворником? У вас есть очень нужные для школы специальности, вы библиотекарь, шофер, немного художник. А главное, у вас глаза горят, такие люди мне и нужны. Надеюсь, у вас нет педагогического образования?

Женька:

– Нет, а почему „надеюсь“?

Ант[он] Сем[енович]:

– Если [бы] оно у вас было, пришлось бы перевоспитывать вас, чтоб вы правильно воспитывали детей. Скажите, со скольких лет ваш сын чистит зубы и стелет свою постель?

Женя:

– С трех, когда его уводили в детский сад, постель перестилалась, но он этого не знал.

Ант[он] Сем[енович]:

– Вы очень нужны школе. Значит, договорились?

Ж[еня]:

– Иду с радостью по первому вашему зову.

Это будет скоро, как только начнутся школьные каникулы, Антон Сем[енович] возьмет школу, и Женька ему сразу понадобится – у нее энергии на десятерых.

Ты знаешь, мамочка, у меня так хорошо стало на душе, как давно не было. Не важно, что Женя будет делать в школе. Вероятнее всего, заведовать библиотекой, важно, что она будет работать у Ант[она] С[еменовича], это ее счастье. Видишь, как хорошо все складывается. Не беспокойся ни о чем. Лечись, отдыхай, моя необыкновенная мама.

Целую,

Мара.

Клавдия Ив[ановна] принесла кофточки, органди [франц. *organdi* – очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань. – Г. Х.] сделана хорошо, кружевная тоже. Отдала ей голубую, и сарафан, и твою в черно-белых горохах.

Женя дала Юре еще сто рублей».

13. Дата и причина смерти Макаренко – некролог

Орденосец Макаренко умер 1 апреля 1939 г. на станции Голицыно Белорусско-Балтийской железной дороги, направляясь из пригородного Дома творчества Литфонда «Писатель», где он пребывал с 18 марта со своей женой, по служебным и личным делам на день в Москву. Согласно акту о смерти «пассажира [!] Макаренко А. С.» 01.04.1939 г., составленному на станции Голицыно врачом, он в первой половине дня скончался в вагоне готового к отходу пригородного поезда.

Вскрытие показало, что Макаренко скончался от разрыва сердечной мышцы. Как рассказывала в 1971 году автору этого очерка Олимпиада Витальевна Макаренко, племянница педагога-писателя, его сердце «было буквально разорвано на две части» – такого обследовавший его патологоанатом М. Б. Ценцилер еще никогда не видел. Известно, что у Макаренко было большое сердце. Как свидетельствует его брат Виталий Семенович, определенную роль в этом сыграла и наследственность по линии матери.

Газета «Вечерняя Москва» 1 апреля 1939 г. опубликовала заметку «Умер писатель А. С. Макаренко».

В макаренковедении причиной поездки Антона Семеновича в Москву в тот день считается его участие в заседании кинофабрики «Союздетфильм», на котором должен был обсуждаться написанный им сценарий. Здесь, очевидно, речь идет о законченной в Голицыне рукописи с условным названием «Командировка». Как говорится в комментарии к публикации этого произведения в «Сочинениях» А. С. Макаренко (т. 6), одобренный кинофабрикой сценарий 29 марта 1939 г. был принят к постановке; 1 апреля Макаренко якобы собирался высказать свои соображения по поводу отдельных замечаний, сделанных рецензентами сценария.

Однако, исходя из очень малого промежутка времени между окончанием работы над сценарием (26 марта) и несостоявшейся поездкой в Москву (1 апреля), похоже, что Макаренко хотел лично передать в кинофабрику свою только что законченную рукопись.

Можно, пожалуй, предположить, что М. А. Барская читала и правила первый вариант макаренковского сценария. Но после печального опыта с «Флагами на башнях» педагог-писатель, очевидно, отказался от афиширования фамилии своей коллеги.

В комиссию ССП для подготовки похорон Макаренко вошла и М. А. Барская. Второго апреля 1939 г. гроб с телом покойного был установлен в конференц-зале ССП, а 5 апреля «Литературная газета» посвятила две страницы памяти писателя-орденосца. Экземпляр этого номера газеты находится в архиве Маргариты Александровны, что можно считать еще одним подтверждением того, насколько ей был дорог педагог-писатель и Человек Макаренко. В этот же день состоялось заседание оргкомиссии ССП под председательством секретаря Президиума А. А. Фадеева, на

котором было решено создать Комиссию по увековечению памяти А. С. Макаренко и по приведению в порядок его литературного наследия. В комиссию вошли: Г. С. Макаренко (секретарь комиссии), писатели В. Финк (председатель комиссии), В. Ермилов, Вс. Вишневский, редактор ГИХЛ Ю. Лукин и бывшие воспитанники А. Тубин и В. Камардинов.

Второго апреля газеты «Правда» и «Известия» публикуют некролог Президиума ССП (этот же некролог на следующий день появился и в «Учительской газете»). Четвертого апреля состоялись похороны на Новодевичьем кладбище. Гроб с телом Макаренко несли бывшие воспитанники А. Тубин и С. Калабалин, а также писатели А. Фадеев и Вс. Вишневский

Вот текст некролога:

«ПАМЯТИ А. С. МАКАРЕНКО

Умер Антон Семенович Макаренко.

Он был автором одного из наиболее замечательных, вдохновенных литературных памятников нашего времени. Его „Педагогическая поэма“ переведена на все главные языки мира и принадлежит к числу любимых книг всего передового человечества. Эпоха социализма, величественная сталинская эпоха, во весь свой голос говорит в этой мудрой и страстной книге о любви к человеку, о мужестве, о силе социалистического гуманизма, воспитывающей и переделывающей людей. Великий Горький считал „Педагогическую поэму“ одним из самых значительных произведений в литературе.

А. С. Макаренко являлся лучшим представителем нового типа писателя – писателя социалистической эпохи, и в „Педагогической поэме“ он рассказывал о деле своей жизни, которая вся без остатка отдана была народу, делу коммунистического воспитания молодежи. Каждая строчка его произведений была им завоевана, за каждым словом стояла вся его жизнь, вся его героическая работа. Он поистине писал кровью своего сердца, прекрасного сердца патриота, борца, педагога-художника. До конца своих дней он соединял художественную работу с педагогической, он был передовиком, новатором, подлинным революционером и в той, и в другой области.

Его произведения и его педагогическая система проникнуты мыслью о том, что вся наша действительность, вся жизнь страны победившего социализма наполнена факторами громадной воспитательной силы, и что советская педагогика должна быть основана на принципах коммунистической морали. Как истинный новатор, А. С. Макаренко дрался за свои идеи с рутинерами. Уже самое имя его было ненавистно бюрократам от педагогики, за спиной которых нередко скрывались вредители. Но рутинеры не могли снизить громадного значения страстных произведений А. С. Макаренко.

Незадолго до смерти он подал заявление о вступлении в партию. Прием Антона Семеновича в число кандидатов в члены ВКП (б) стоял на повестке партийного собрания 4 апреля с. г.

Жизнь свою Антон Семенович прожил как непартийный большевик. Для него литература была практической работой по формированию новой личности. Быть может, именно поэтому А[нтон] С[еменович] был связан с читательской массой больше, чем какой бы то ни было другой писатель. Со всех концов Союза к нему писали и лично приезжали люди, которым нужен был совет большого и чуткого человека.

Последнее время писатель работал ежедневно чуть ли не круглые сутки, стремясь скорее рассказать читателю все то, что казалось ему нужным, полезным для дела коммунистического воспитания. Он работал над второй частью своей книги „Для родителей“ – произведения, ставшего настольной книгой матерей, отцов, воспитателей в нашей стране...

Недавно он пережил радость: правительство наградило его орденом Трудового Красного Знамени за выдающиеся заслуги в области литературы. Наш народ умеет ценить людей, до конца преданных ему. Антон Семенович Макаренко принадлежал к типу общественных деятелей сталинской эпохи – он был ясным и определенным во всей жизни и работе, он страстно любил народ и страстно ненавидел врагов народа.

Память об Антоне Семеновиче Макаренко – это светлая память об одном из наиболее достойных представителей советской социалистической литературы.

ПРЕЗИДИУМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ».

14. Помощь Литфонда вдове писателя-орденоносца

В апреле 1939 г., т. е. непосредственно после смерти А. С. Макаренко, комиссия Правления Литфонда оказала вдове покойного обширную помощь. Так, на заседании от 10 апреля, когда на повестке дня стоял пункт «О помощи семье умершего писателя-орденоносца А. С. Макаренко», постановили:

«Согласно письму директора Гослитиздата т. Лозовского выдать вдове писателя Макаренко А. С. 8.000 руб. (восемь тысяч рублей) и считать письмо Гослитиздата от 5-го апреля 1939 г. как гарантию возврата Литфонду этой суммы.

Утвердить ранее выданные 2.000 руб. как пособие семье Макаренко в связи с его смертью.

Списать задолженность по возвратной ссуде за покойным А. С. Макаренко в сумме 2.000 руб.

Поручить Юрчасти Литфонда (т. Шафрову) помочь вдове т. Макаренко в оформлении ее наследственных прав».

А 20 апреля комиссия решила судьбу «заявлений о путевках в санатории», в том числе внесла следующий пункт: «Письмо писателей за подписями т.т. Финка, Ермилова и Вишневого о предоставлении санаторной путевки вдове А. С. Макаренко – Г. С. Макаренко». Постановили: «Предоставить путевку в санаторий, согласно мед. показаний за счет ЛФ».

15. Дата и причина смерти Барской – некролог

Причина смерти М. А. Барской в публикациях: самоубийство, а дата – 1937–1939 гг.

Н. Милосердова пишет: «Оказывается, никто не знает дня, когда она покончила [с собой]». Исследовательница продолжает свидетельствовать: это «случилось 23 июля 1939 года. [...] информация абсолютно достоверна, получена из Центрального Управления архивов ЗАГС г. Москвы. [...] выбросилась с пятого этажа из окна своей квартиры на улице Герцена и несколько часов мучительно умирала. [...] По другой версии, она бросилась в пролет лестницы на „Союздетфильме“ [...]». М. А. Барская похоронена на Новом Донском кладбище.

В архивном фонде «Правление ССП ССР. Секция драматургии ССП. 1939 г.» находится машинописный некролог с рукописной датой «Июль 1939 г.». Вот этот текст, который до сих пор не был известен исследователям:

«Маргарита Барская

Покойная М. А. Барская широко известна и детскому, и взрослому зрителю СССР своей картиной „Рваные башмаки“. Поставленный в 1933 г., этот фильм и на сегодняшний день остается одной из лучших детских кинокартин. С большой теплотой показано в ней безрадостное детство зарубежных пролетарских ребят, даны запоминающиеся живые образы маленьких друзей и помощников взрослых в революционной борьбе. Крупным достоинством этого фильма была умелая тонкая работа М. Барской с детьми, исполнявшими главные роли.

Следующая постановка М. Барской – „Отец и Сын“ имела ряд существенных ошибок и политического, и художественного характера, и на экраны фильм выпущен не был. М. Барская стойко перенесла эту творческую неудачу и, „засучив рукава“ (как она писала об этом в одном из №№ журнала „Искусство Кино“ за 1936 г.), принялась за новые работы. Она писала сценарии коротких фильмов для детей, стремясь через детские занятия и игры передать на экране темп и дыхание советской действительности. Ее последний сценарий – „Красная Армия“.

М. Барская была талантливым сценаристом и режиссером. М. Барская была подлинным энтузиастом детской кинематографии.

Бюро Секции драматургов ССП»

Последняя строчка данного текста зачеркнута; далее ручкой пояснение: «Некролог не посылать в печ[ать] (подпись)». Этим объясняется то обстоятельство, что о смерти М. А. Барской в советской печати ничего не было опубликовано.

Об обстоятельствах, толкнувших Маргариту Александровну на самоубийство, по-моему, нельзя сказать что-либо окончательно. Арест как «врагов народа» близких ей людей Радека и Милькина и прекращение всех отношений с кинофабрикой «Союздетфильм» привели сценариста-режиссера к полной творческой и общественной изоляции – ее заявление о путевке в психоневрологический санаторий можно истолковать только таким образом. Как видно из представленных здесь материалов, единственной надеждой на спасение для Барской оставался – как она надеялась – Сталин, а реальной опорой среди писателей – Макаренко.

О том, какое значение в жизни М. А. Барской имели отношения с Макаренко, можно судить по единственной записи такого рода из ее архива, сделанной после безвременной кончины Антона Семеновича. Данный текст еще раз подчеркивает личный характер их отношений. Вот эта запись:

«Есть люди, с которыми не вяжется представление о смерти. Это люди громадного творческого жизненного наполнения. Таким был Макаренко. Сказать о таком человеке „был“ – это нестерпимо больно.

Чтобы почувствовать горечь потери, надо знать и ценить то, чем обладаешь в полную меру, когда оно есть.

„Голова выпила кровь из сердца“, но в голове кровь сердца.

Стрекозел

У него тоже маленькая, легкая рука. Эти люди с такими руками, какая у них чувствительная нежная хватка...

Я ему сказала, что „Поэма“ может меня организовать и наладить душу в любой мрачный момент. Если я иногда летела в пропасть, чуть не [в] безнадежность, стоило открыть на любом месте, и я буквально заново хотела жить и делать. Он при этом схватил книгу с полки и говорит:

– Ну в чем же дело, давайте сейчас прочтем что-нибудь, раз это единственное действенное лекарство.

А я ему ответила:

– Что я, с ума сошла, что ли? Когда вы здесь живой, вы на меня тратите столько же таланта, как на „Поэму“, и результаты вполне хороши. Я говорю о том времени, когда я вас не знала, и теперь только в том одном случае, когда вы надолго уехали, и мне смертная скука стала в какой-то день. Не от того, что вас сию минуту нет, а от того, что нам с вами вот и придется друг друга в какой-то мере всегда лишаться».

Таков был трагический финал этой необыкновенной истории дружбы двух незаурядных личностей – как прерванный полет, как оборванная на высокой ноте песня...

* * *

В 1993 году, в процессе подготовки двухтомника академического издания переписки А. С. Макаренко с женой («Ты научила меня плакать...»: Московский издательский центр «Витязь», 1994–95, серия «Неизвестный Макаренко», составители: Г. Хиллиг и С. Невская), директор РГАЛИ рассказала моей коллеге Светлане Сергеевне Невской, что некая женщина в 1960-е годы хотела продать архиву большое количество написанных от руки писем Антона Семеновича к «Маргарите», но дирекция тогдашнего ЦГАЛИ СССР не приняла это предложение, так как для покупки не удалось найти денег. Со слов директора, письма Макаренко были очень роман-

тическими, но она не помнила фамилию адресата. Помнила только, что их приносила родная сестра получателя писем. А получателем этого «клада», вне всякого сомнения, была М. Барская. Но где сейчас находится этот «клад»?..